

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

К ЭТИМОЛОГИИ лит. *guĩbas*

У слова *guĩbas* Академический словарь литовского языка (LKŽ III 741–742) отмечает 12 значений, среди которых в качестве основных можно выделить следующие: 1) „корзина, плетенка“, 2) „сплетенный из прутьев верх повозки“, 3) „ясли для скота“, 4) „постоянное или временное помещение (или часть его) для домашних животных и птицы“ (значения № 4–9 и 11 по LKŽ: „гнездо“, „клетка“, „конура“, „хлев“, „загон“, „часть хлева для мелкого скота“ и др.), 5) „особого рода пчелиный улей, покрытый соломой“, 6) „мотовило (рогатка) для наматывания ниток“.

Вопрос об этимологии этого слова до сих пор нельзя считать решенным окончательно. К. Буга пытался связать происхождение лит. *guĩbas* „хлев“ со словен. *gr̂b* „бугорок, горб, морщина“ (RR II 526), но семантически это сопоставление почти ничего не дает для значения „хлев“ и совершенно не подходит для большинства из остальных перечисленных выше значений.

К. Альминаускис высказался в пользу немецкого происхождения лит. *guĩbas* (← лит. *kuĩbas*, *kaĩbas* ← нем. *korb* „корзина“)¹. Фонетически наличие вариантов *guĩbas* – *kuĩbas*, казалось бы, выглядит на литовской (балтийской) почве вполне правдоподобным. В работах К. Буги, Я. Эндзелина, В. Махека, Ф. Шпехта, Я. Отрембского, В. Кипарского и др. можно найти немало примеров типа лит. *gardis* ~ *kardis* „грядка“, лтш. *guba* ~ *kupa* „копна“, лит. *gauĩgaras* ~ *kaĩkaras* „вершина, гребень горы“ и т.п.². Однако данное фонетическое явление намного древнее той эпохи, когда были установлены

¹ К. Alminauskis, Die Germanismen des Litauischen, Kaunas, 1934, 55.

² К. Būga, RR II 242; J. Endzelin, Lettische Grammatik, Riga, 1922, 180–183; он же, Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951, 250 сл.; V. Machek, Recherches dans le domaine du lexique balto-slave, Brno, 1934, 5 сл.; F. Specht, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1944 (1947), 42–43, 315 и др.; J. Otrębski, Aus der Geschichte der litauischen Sprache, – LP V (1955) 25 сл.; V. Kiparsky, Slavische und baltische *b/p*-Fälle, – ScSI, – XIV (1968) 73–97. Особенно много примеров на мену глухой ~ звонкий в балтийских и славянских языках приводит В. Кипарский. См. также А. Sabaliauskas, Iš baltų kalbų gyvulininkystės terminologijos istorijos, – LKK XII (1970) 34–34, где фонетическая сторона аргументации К. Альминаускиса признается убедительной.

первые контакты литовцев с немцами. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи мены глухой ~ звонкий за пределами литовского и даже балтийского ареала: лит. *burnà* „рот“ ~ лтш. *purņa* „морда, рыло“, прусск. *girmis* ~ лит. *kirmis*, лит. *grōžis* ~ русск. *краса*, русск. *грудь* ~ лит. *krūtinė*, русск. *брызгать* ~ *прыскать* и др.³ Независимо от того, как мы будем объяснять данный феномен, корни его, безусловно, уходят по крайней мере в балто-славянскую эпоху. Кроме того, при наличии в слове двух звонких или глухих смычных мена обычно происходит в обоих случаях, особенно, если второй смычный — губной: лит. *gābana* „охапка“ — лтш. *karana* „копна“, жемайт. *gulbis* ~ слав. **kǫlpь* → в.-лужиц. *kołp*, русск. *колница* „лебедь“ (ср. также русск. топоним *Колпино*), русск. *дробить* — лит. *trapūs* „хрупкий, ломкий“, лит. *drebėti* „дрожать, трястись“ — русск. *трепет(ать)* и др. Случай с лит. *guĩbas* ~ *kuĩbas*, где второе слово, по-видимому, возникло под влиянием немецкого языка, ни хронологически, ни фонетически не совпадает с рассмотренными примерами. Скорее можно думать, что форма *kuĩbas* явилась следствием контаминации исконного литовского *guĩbas* и заимствованного *kaĩbas* (← нем. *korb*). Этой контаминации в какой-то мере содействовало наличие в литовском языке более древних (сравнительно с *kaĩbas*) слов с меной *g* ~ *k*.

Не удовлетворяет гипотеза К. Альминаускиса также и в семантическом плане. Трудно предположить, чтобы слово, заимствованное со значением „корзина, плетенка“ и, допустим, с рядом близких к нему иных значений (№ 2, 3, 4, 10 по LKŽ), могло бы самостоятельно развить значение „мотовило“ („*reketys siūlams lenkti, vyti*“).

Э. Френкель в своем этимологическом словаре (LEW 178) решительно возражает К. Альминаускису и относит лит. *guĩbas* и лтш. *guĩba*, *gurbs* к числу исконных балтийских образований, восходящих к индоевропейскому корню **ger-* „плести, вить“. В качестве соответствий Э. Френкель приводит греч. γέρρον „плетеная (торговая) будка на афинском рынке“, „плетеный кузов повозки“, „плетеный щит“, γύργαθος „плетеная корзина“, а также ряд германских слов, представляющих собой производные того же индоевропейского корня⁴. А. Сабальяускас, считая доводы той и другой стороны достаточно убедительными, пытался объединить обе этимологии⁵. Он полагает,

³ Все примеры на мену глухой ~ звонкий (здесь и ниже) приведены из работ, указанных в предыдущем примечании.

⁴ См. также Hj. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1954 ff., I 300 и 335. Связь лит. *guĩbas* со всей группой слов, относящихся к и.-е. **ger-* „плести“, отмечалась в одной из ранних работ К. Буги (К. Būga, *Aistiški studijai*, Peterburgas, 1908, 176).

⁵ А. Sabaliauskas, ук. соч., 33–35. См. также А. Сабальяускас, *Исследования лексики балтийских языков*. Автореферат докторской диссертации, Вильнюс, 1974, 43.

что лит. *guĩbas* в значении „хлев“ и близких ему значениях является исконным балтийским словом. В значениях же „корзина“, „плетеный верх повозки“ и других⁶ слово *guĩbas* было заимствовано из немецкого языка. Наконец, латышские слова, возможно, в свою очередь, были заимствованы из литовского. Аргументы А. Сабалаяускаса, в основном, сводятся к следующему.

1) „Žodžio *guĩbas* lietuvių kalboje yra du tarp savęs visiškai nesusiję židiniai – vienas šiaurės rytų Lietuvos kampe, kur *guĩbas* vartojamas ‘trobesio gyvuliams laikyti’ reikšme, kitas – pietvakarinėje Lietuvos dalyje, kur tas žodis daugiausia vartojamas ‘krepšio, pintinės’ reikšme“.

2) Лит. *guĩbas* так же, как заимствованное слово *kuĩbas* и нем. *Korb*, означает „пчелиный улей“ (в немецком языке – „geflochtne Behältnisse für die Bienen zur Wohnung“). „Sunku įsivaizduoti, – пишет, в связи с этим, А. Сабалаяускас, – kad be vokiečių kalbos būtu atsiradusi liet. *guĩbas* ‘tam tikro bičių avilio, dengto šiaudais’ reikšmė“ (с. 34).

3) „Forma *guĩbas* ‘vežimo viršaus, pinto iš vyčių; drangelių su galeliais drauge’ reikšmė labai primena vok. *Korb* reikšmę ‘der hintre geflochtne Teil eines Leiter- oder Rüstwagens u. überhaupt ein Korbgeflecht auf solchem Wagen’“ (там же).

О первом из этих аргументов можно сказать, что разграничение значений одного и того же слова по разным диалектным зонам – обычное явление в любом языке. Диалектные карты отмечают огромное количество слов бесспорно общего происхождения, которые имеют разные значения на достаточно четко противопоставленных ареалах. К тому же, в рассматриваемом случае едва ли можно столь категорически говорить о „двух совершенно не связанных между собою очагах“, ибо лит. *guĩbas* в значении „хлев“, по данным LKŽ III 742 встречается не только в северной и восточной, но также в центральной, юго-восточной и южной Литве, т.е. всюду, кроме западных ее районов. Во многих случаях общие ареалы значений „хлев“ и „корзина“ совпадают, в частности – в южной Литве (Капсукас, Алитус–Аукштдварис). Если же из 12 значений слова *guĩbas* мы будем анализировать не только значения „хлев“ и „корзина“, но и близкие к ним, то от указанного А. Сабалаяускасом ареального противопоставления придется, по-видимому, вообще отказаться.

Второй и третий аргументы А. Сабалаяускаса сводятся к тому, что нем. *Korb* и лит. *guĩbas* имеют три общих значения („корзина“, „кузов“ и „улей“), которые не могли развиваться в каждом из этих языков независимо. Однако все три значения литовского слова легко объясняются из глагольного корня **ger-* „плести“ (→ „плетенка“, этимология, принятая в словаре Э. Френкеля).

⁶ Автор не уточняет, в каких именно.

А насколько естественным является объединение в одном слове указанных трех значений свидетельствует, например, русск. диал. *кузов*: 1) „корзина“, 2) „плетеный короб кареты или телеги“ и 3) „плетеный улей“ (ср. Даль II 213). Разумеется, в последнем случае ни о каком немецком влиянии не может быть и речи.

Если допустить, что лит. *guĩbas* является исконным словом только в значении „хлев“, а остальные его значения относятся к другому — заимствованному из немецкого языка — слову, то нам придется признать, что последнее было заимствовано с бóльшим количеством значений, чем действительное заимствование — лит. *kaĩbas* (→ *kuĩbas*). С таким большим числом разнообразных значений слова обычно из одного языка в другой не заимствуются. Если же предположить, что заимствовано слово *guĩbas* было только в одном или двух-трех значениях (напр., „корзина“, „кузов“ и „улей“), то остается неясным, как из этих значений уже на литовской почве — без всякой поддержки со стороны этимологической связи с производящим глаголом „плести, вить“ — могла развиться вся та сложная сумма значений, которая характерна для анализируемого слова.

Этимология, связывающая лит. *guĩbas* с корнем **ger-* „плести, вить“, убедительно объясняет все без исключения значения этого слова. Во-первых, „плести“ → „плетенка“: „плетеная корзина“, „кузов“, „гнездо“, „улей“ (или вторично — из значения „корзина“). Затем на базе значения „корзина“ или „гнездо“ развиваются новые значения: „конура“, „клетка“, „ясли“. Детали здесь, разумеется, могли быть и несколько иными, но не в них суть дела.

Одним из наиболее естественных и широко распространенных изосемантических рядов является ряд „плести“ → „плетень, ограда“⁷. В свою очередь, название „ограда“ очень часто переходит с того, чем огораживают, на то, что огораживают: лит. *gaĩdas* „загородка“ и „загон, стойло“, русск. *ограда*, но *огород*, алб. *garth* „забор“, но гот. *gards* „дом“ и др. Значение „плетень, ограда, перегородка“ в литовском языке у слова *guĩbas* не засвидетельствовано. Но такие значения, как „*atskirta tvarto dalis*“ или „*atitverta rĩsio dalis*“ (LKŽ III 741) могли быть производными именно от него. И здесь невольно вспоминается, что утраченное семантическое звено мы находим в латышском языке, где слово *guĩba*, наряду с иными, имеет значения „изгородь“ и „досчатая перегородка в хлеве“ (ME I 683).

⁷ Ср. нем. *winden* → *Wand*, лит. *sĩeti* → *sĩena*, *pĩnti* → *pinũčiai*, монг. *хэрэх* → *хэрэм*, русск. *плету* → *плетень* и др.

А. Сабальяускас пишет, что „visos lat. *guība*, *gurbs* reikšmės yra tartum pereinamosios tarp ‘krepšio, pintinės’ ir ‘trobesio gyvuliams laikyti’ reikšmių“⁸. Это, видимо, не совсем так, если подходить к анализируемым словам с позиций диахронии, а не синхронии. Дело в том, что здесь значение „корзина“ не изменялось в значение „ограда, плетень“, а было образовано наряду с последним (ср. русск. *плетенка* и *плетень*). Следовательно, латышские слова, обозначающие „изгородь“, являются переходными не от „корзина“ к „хлев“, а от древнего значения „плести“ глагольного корня **ger-* к значению „загон“, „стойло“, „хлев“ („плести → „плетень, ограда“ → „огороженное место, загон“ → „стойло, хлев“). Вот почему предположение А. Сабальяускаса о заимствовании лтш. *guība*, *gurbs* из литовского языка, на мой взгляд, нуждается в дополнительной аргументации.

Наконец, очень важным для этимологии лит. *guības* является значение „мотовило“, обычно почему-то оставляемое в стороне этимологами, несмотря на его несомненную древность. Между тем, глагольный корень **ger-* „плести, вить“ объясняет и это значение литовского слова (ср. русск. *вить* и *вьюшка* „снаряд для наматывания пряжи“).

Закономерность изложенных выше семантических связей подтверждается, помимо уже приведенных примеров (*кузов*, *плетень*, *вьюшка*, *gaīdas* и др.) наличием большого количества изосемантических рядов, отражающих отдельные семантические звенья реконструируемых изменений.

Так, например, для лит. *guības* а) „корзина“, б) „улей, покрытый соломой“, в) „загон“ можно указать на параллель в случае: а) болг. *кош*, др.-русс. *кошь* „корзина“, б) серб.-хорв. *кош* „соломенный“ улей“, в) русск. диал. *кош* „загон“⁹. Значения „клетка“ и „улей“ имеет лит. *paīvas*. Значения „корзина“ и „снаряд для разматывания пряжи“ имеют производные глагола *вить* – русск. диал. *вѣтина* и *вѣтѹшка* (Даль I 208), значения „корзина“ и „(плетеный) пчелиный улей“ – лтш. *kuozuls* (МЕ, II 350) и т.д.

Особо следует сказать о лит. *guības* в значении „пчелиный улей“. Как известно, бортничество было издревле развито у балтийских и славянских племен. Об этом, в частности, свидетельствуют такие балто-славянские лексические изоглоссы, как лит. *vāškas* – русск. *воск*, лит. *bītė* – ст.-слав. *БЪЧЕЛА*, лит. *medūs* – ст.-слав. *МЕДЪ* и др.¹⁰. Распространенным и достаточно древним видом бортничества является так называемое *кузовное пче-*

⁸ А. Sabaliauskas, ук. соч., 35.

⁹ О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках, М., 1966, 163–164.

¹⁰ Сведения о пчеловодстве и о торговле медом на Руси содержат древнейшие русские летописи. О древности пчеловодства у балтов см. А. Połujański, *Opisanie lasów królestwa Polskiego i gubernij Zachodnich cesarstwa Rosyjskiego*, II, Warszawa, 1854; *O lasach dawnej*

ловодство, когда на деревья подвешиваются плетеные или долбленые ульи (русск. диал. *кузов, нáuзень*), а не выдалбливаются борти в деревьях. Именно такие плетеные из соломы или прутьев ульи и получили название *guřbas*¹¹. Можно полагать, что кузовное пчеловодство (как часть лесного) оставило свои следы и в литовской топонимике: *Gūrbai, Gurbmiškis, Guřbšilis, Gurbšilėlis, Gurbū miškas* — все эти топонимы, как справедливо указывает А. Сабалаяускас¹², плохо вяжутся со значениями лит. *guřbas* „хлев“ или „корзина“. В то же время, бортническое значение слова как нельзя лучше подходит и для топонимов *Gūrbai* (ср. *Aviliai*), и для названий леса и его частей. Характерно, что „лтш. *guřba* не оставило никаких следов в топонимике“¹³. Это и не удивительно, ибо латышское слово не имело значения „улей“, а „пергородка в хлеве“ или „*Vogelstall*“ — значения, не очень подходящие для лесных топонимов¹⁴. Предположение А. Сабалаяускаса о связи основы *gurb-* этих топонимов с прусск. *garbis* „гора“ вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, балтийские топонимические композиты обычно содержат основу *garb-* (или *kaln-*) во второй своей половине: прусск. *Lappegarbe* (= лит. *Lāp-kalnis*), *Laumygarbis*, *Swentegarben*, лит. *Daubkalniai* (но нем. *Bergenthal*) и т.д.¹⁵. Затем, среди прусских топонимов, начинающихся на *Garb-*, отсутс-

Litwy, 97–98, 149–150; J. Klinge, *Die Honigbäume des Ostbaltikums und die Beutkiefern Westpreussens*, Danzig, 1901, 5–7; А. Bielenstein, *Holzbauten und Holzgeräte der Letten*, I–II, Petrograd, 1907–1918, 190. Однако наибольшую древность отражают в этом отношении данные языка.

¹¹ Описание „технологии“ кузовного пчеловодства у литовцев см. А. Połujański, ук. соч., II, 264. О связи улья с плетеньем см. также В. Н. Топоров, К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. — В об.: Славянское и балканское языкознание. Проблема интерференции и языковых контактов, М., 1975, 6, прим. 5.

¹² А. Sabaliauskas, ук. соч., 35. Кроме приведенных А. Сабалаяускасом, ряд литовских топонимов с основой *Gurb-* можно найти в словаре: F. Sulimierski, B. Chlebowski, W. Walewski, *Słownik geograficzny królestwa Polskiego i inych krajow słowianskich*, Warszawa, 1880–1902, II, 907 и 912.

¹³ А. Sabaliauskas, ук. соч., 35. Подвесные ульи, употреблявшиеся в древности для содержания, а позднее — только для отлова пчел, у латышей назывались *aulis* и *kuozuls* (А. Bielenstein, ук. соч., 219; ME I 223; II 350). Отсутствие слова и даже понятия *aulis* в латышских народных песнях привело А. Биленштейна (*loc. cit.*) к выводу о позднем — сравнительно с бортневым (ср. лтш. *drawa*) характере кузовного пчеловодства у латышей. Однако закрепление за подвесным ульем такого древнего названия, как *aulis* (ср. лит. *avilys*, русск. *улей* и др.), говорит, видимо, о гораздо более глубокой древности, чем та, которую отражают самые старые народные песни.

¹⁴ Наличие топонимов типа *Gurbmiškis* и отсутствие подобных образований на *Kurb-* и *Karb-* (во всяком случае, в рамках материала, отраженного в „Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas“, Vilnius, 1959) делает гипотезу о заимствовании лит. *guřbas* в значениях „улей“ и др. из немецкого языка крайне маловероятной.

¹⁵ См. G. Gerullis, *Die altpreussischen Ortsnamen*, Berlin—Leipzig, 1922, 83, 85, 178, 227.

твуют композиты, все они — суффиксальные образования (*G. Gerullis*, 36). Наконец, если топонимы *Gurbmiškis*, *Guřbšilis* и др. рассматривать как своего рода прусско-литовские „гибриды“, то им должна была соответствовать литовская модель типа **Kal(na)miškis*, **Kal(na)šilis* (ср. прусск. *Lappegarbe* — лит. *Lāpkalnis*), неизвестная, однако, литовской топонимике¹⁶.

Изложенный материал позволяет поставить вопрос о пересмотре еще одной литовской этимологии. Поскольку индоевропейский корень **ger-* / **gor-* / **gr-* (балт. *ger-* / *gar-* / *gur-*) в форме *guřbas* отражает нулевую ступень своей огласовки, к его основам в формах *gerb-* и *garb-*, быть может, следует отнести такие слова, как *garbaĩ*, *gárbanos*, *gerbenai*, *garbaniaĩ* „кудри, локоны“, которые обычно сопоставляются с прусск. *garbis* „гора“, др. — русск. *гѣрбѣ*, русск. *горб*, исланд. *korpa* „морщина, складка“ и др.¹⁷ Существенным недостатком последнего сопоставления является его сугубо умозрительный характер, отсутствие опоры на семантические закономерности. Только в кабинетной обстановке современного этимолога может возникнуть идея объединить значения „локон“ и „гора“ посредством общего понятия „нечто изогнутое, кривое“¹⁸.

Между тем, семантическая связь между балтийским глагольным корнем **ger-* / **gor-* / **gur-* „плести, вить“ и значением „локон“ может быть подтверждена большим количеством примеров с достаточно очевидной этимологией: греч. *πλέκω* „плету“ → *πλόκος* „прядь“, „локон“; русск. *(за)вить* → *завиток*, в диалектах также — *завой*; *плести* → диал. *плетень*, *плетенница* „(девичья) коса“ (Даль III 125), лит. *pinti* „плести“ → *pinka* „клок спутанных волос“ (LKŽ IX 1047) и др.

Если взять такие разные значения лит. *guřbas* и лтш. *guřba* (в сопоставлении с *garbaĩ* „локоны“), как „корзина“, „плетень, изгородь“, „мотовило“, то связь между этими значениями может быть соотнесена со следующими семантическими аналогиями:

греч. *πλέκος* „корзина“ — *πλόκος* „прядь, локон“;
русск. диал. *плетень* „изгородь“ — *плетень* „девичья коса“;
русск. диал. *вѣтина* „корзина“ — *вѣтѣшка* „снаряд для наматывания пряжи“ — *завиток (завѣтѣшка)* „локон“ (Даль III 125; I 208 559);

¹⁶ В то же время, есть засвидетельствованный с XVI в. топоним *Šilakalnas* (*Шилакальнас*) — см. И. Спрогис, Географический словарь древней Жомойтской Земли XVI столетия, Вильна, 1888, 332.

¹⁷ E. Lidén, *Armenische Studien*, Göteborg, 1906, 36; K. Būga, *RR*, II 128; E. Fraenkel, *LEW* 135.

¹⁸ Что фактически делает, например, Э. Лиден. См. его работы: *Armenische Studien*, 37 и *Studien zur altindischen und vergleichenden Sprachgeschichte*, Upsala, 1897, 7f.

лит. *pinaĩ*, *piničiaĩ* „плетень, изгородь“ — *runė* „корзина“ — *pinė* „девичья коса“, *pinka* „клок спутанных волос“ (все — к *pinti* „плести“, примеры взяты из LKŽ IX).

В этот же изосемантический ряд, естественно, входит и случай с лит. *guřbas* „корзина“, „мотовило“, лтш. *guřba* „изгородь“ — лит. *garbai* (→ *gárbanos*)¹⁹ „локоны“ (все — к корню **ger-* „плести“).

SMULKMENOS

XXIV

Mano „Lietuvių dialektologijoje“ (Vilnius, 1966) p. 258 prielaida, kad žemaičių n. sg. forma *móters* galėjo atsirasti lingvistinėje literatūroje prastai nugirdus *móteris*, greičiausia neturi pagrindo, nes ši forma gerai paliudyta M. Valančiaus raštuose, žr. Motiejus Valančius, Raštai, I, Vilnius, 1972, 283₂₅, 298₈, 533₃₈. Iš gyvosios kalbos ji man nežinoma.

XXV

Tariamasis nuosakos 1. sg. formą *eĩtum* ‘eičiau’, iki šiol užfiksuotą tik Biržų ir Zarasų apylinkėse¹, mokyt. Juozo Šliavo teigimu, turi ir Žeimėlio — Laūksodžio apylinkių šnekta (tariama *aĩtom*). Ji čia vartojama, kaip gretiminė, šalia variantų *eĩčio* (> *aĩće*) ‘eičiau’, *eĩčiau* (> *aĩčo*) ir trumpinio *eĩč* (*aĩč*) ‘eičiau’. Sangražiniai veiksmazodžiai turi du 1. sg. variantus: tariama *juōkčõs* iš *juōkčios* ‘juokčiausi’ resp. *juōkčiaus* (abu variantai šnektoje sutapę) ir *juōktõmẽš* iš *juōktumẽis* ‘juokčiausi’. Pastarasis variantas bus pasidarytas pagal modelį: 2. sg. *eĩtum*: 1. sg. *eĩtum* = 2. sg. refl. *juōktumẽis*: 1. sg. refl. *x* (*x* = *juōktumẽis*).

¹⁹ Cp. *ũkas* → *ũkanas*, *vařgas* → *vařganas* и т. п. См. P. Skardžius, Lietuvių kalbos žodžių daryba, Vilnius, 1943, 226–228.

¹ Z. Zinkevičius, Lietuvių dialektologija, Vilnius, 1966, 364 (*sũktum* ‘sukčiau’).